18 ночей усталого человека. Дневник реальных событий

Автор:
Роман Шабанов

18 ночей усталого человека. Дневник реальных событий

Роман Шабанов

Эти записи были найдены в комнате одного человека. Кто он был, спросите вы? Первое, что кажется при первом знакомстве с его письменностью, – почерк мелкий, заниженная самооценка, наклон влево, говорит о его упрямстве, много хвостиков и в «д», и в «у», и в «з» – максимализм верховодит. Еще бы – ведь он был очень молод. В городе, который он посетил, до сих пор говорят об этом. О том, что он написал. Но они не подозревают всего того, что знает лишь он. Да уж, он был не так прост, как казался. Что помнят жители города на границе с Европой? О том, что приехал чужой и пытался навязать им свою культуру, за что и был наказан. По их словам, справедливо. Что кажется мне – сейчас пожимаю плечами, но не от незнания, а скорее от сомнения. Они знали его, здоровались, слышали голос и знали его манеры, я – не видел его, не знал, есть ли у него запах изо рта, каков цвет глаз, и даже имя оставалось для меня загадкой. Но я все же решил открыть глаза. Им и не только.

Роман Шабанов

18 ночей усталого человека

Дневник реальных событий

Предисловие

Эти записи были найдены в комнате одного человека. Кто он был, спросите вы? Первое, что кажется при первом знакомстве с его письменностью – почерк мелкий, заниженная самооценка, наклон влево, говорит о его упрямстве, много хвостиков и в «д», и в «у», и в «з» – максимализм верховодит. Еще бы – ведь он был очень молод. В городе, который он посетил, до сих пор говорят об этом. О том, что он написал. Но они не подозревают всего того, что знает лишь он. Да уж, он был не так прост, как казался. Что помнят жители города на границе с Европой? О том, что приехал чужой и пытался навязать им свою культуру, за что и был наказан. По их словам справедливо. Что кажется мне – сейчас пожимаю плечами, но не от незнания, а скорее от сомнения. Они знали его, здоровались, слышали голос и знали его манеры, я – не видел его, не знал, есть ли у него запах изо рта, каков цвет глаз и даже имя оставалось для меня загадкой. Но я все же решил открыть глаза. Им и не только. В какой-то степени себе, а также тем, кто не знал его. Пусть и я и не был с ним знаком раньше. Просто я приехал в этот город, только несколько позже, и по странным стечениям обстоятельств снял ту же комнату, что и он. Там и нашел старый дневник в одном из отделов письменного стола. И началась моя бессонница. Я читал эти строки и не спал вместе с ним, главным героем. Он не давал мне возможности закрыть тетрадь, пока не закончится усталая ночь. Потом я ходил по тем же улицам, что и он, обращал внимание на те же объекты и старался понять его состояние. Но мне было чуждо то, что он испытывал, наверное, как и всем другим. Я как горожанин, который уже и не помнит об этом, как о очередной заурядной новости, и только старожилы припоминают, да и те, кто очень любопытен. Это история в письмах напоминает библию. В ней исповедуется человек. Он не напоминает ни бога, ни дьявола. Он ни ангел, ни бес – в нем есть пороки и добродетель. Просто он жил здесь и прожил эти ночи особенно. Не так, как все. И я не мог это не опубликовать. Он писал не для себя, а для всех, кто попытается докопаться до истины. Что значит его жизнь, его судьба, его восемнадцать ночей. И почему он так быстро устал. Хватит…я не вправе что-то писать, так как его ночи сами за себя скажут.

Ночь первая

Две недели я в этом городе. Тихо как. По дорогам вместо машин – молодежь на роликах и женщины с колясками. Машины есть – редкие, словно привидения, останавливаются как в горном ауле перед отарой овец, с усилием надавливая на

клаксоны. Сравнение с домашним животным не случайно. Бродят бездомные собаки, спят около универсама и большого гипермаркета, лениво озираясь по сторонам. Прохожие идут, не обращая внимания на тех, кто лежит на пыльном асфальте, выбрав для себя роль попрошайки.

– Она у меня слепая, – говорит мужчина в темных очках про свою собаку. Рослый далматинец выглядит резвым, имеет пружинистый хвост, и не скажешь, что он не видит ничего кроме своего хозяина, да и то созданного им в своем, однако цветном воображении. Она прекрасно обходится без поводка, хозяина и будоражит прохожих своими частыми столкновениями. Те спокойно воспринимают е выходки, так как знают уже не первый год, как ее, так и хозяина этого питомца. Угощают конфетой, а то и котлета перепадет. Но в основном это сладости, которые она с радостью поглощает, не смотря на оберточную бумагу.

Мальчик в инвалидной коляске разворачивает конфету. Он так увлечен, не смотря на посторонний гвалт – это лакомство в тот самый момент является всем, и если бы прогремел взрыв, упал каменный рыцарь с особняка старинного дома, поставленный туда архитектором для красоты, на тротуар, он бы продолжил, ибо нет ничего лучше тянучки. Все ради сладкого удовольствия. Все ради того, чтобы не думать, о том кто ты.

Мужчина, раздающий на улице веники. Березовые, дубовые, еловые, смешанные. Для бани естественно. И совершенно бесплатно. А люди берут как-то неуверенно, словно им вручают нечто вредное, страшное, мерзкое. Они идут на работу, разве там им нужен веник. Они идут в магазин, разве веник им поможет осуществить покупку. Они идут в баню, но все равно не берут, потому что неестественно вот так вот просто брать веник и отдавать соответственно тоже. Или здесь это в порядке вещей? Тогда и продавец понимает это, но упорно стоит, потому что обязательно найдется один или несколько, кто поблагодарит и побежит этим самым веником колошматить свою спину и другие части тела, выгоняя из себя неприятное.

…А этот, что рисует на стене всех домов в переулочках без названий желтые трусы. Заглянул в переулок, а там горят – желтеют предмет нижнего белья для мужчин. Я еще понимаю, если женские, но мужские. Не правильно это, по-моему. Говорю я и вижу бабушку, бросающую с балкона горшки с цветами. Они летят вниз – грохот, люди расходятся, еще один – в полете и снова очередной шок. И у меня, и у других. Даже птицы здесь летают не так как в других местах. Они не

любят одиночных перелетов. Обязательно парами, а то и больше.

Странные люди. То ли так казалось только мне и поэтому они были такими или же это на самом деле самый странный город с самыми что ни на есть не похожими ни на кого людьми. Они же продолжали поливать цветы на балконах, рисовать мелом несуществующие предметы и удивлять меня. Они чинили свои пылесосы прямо на проезжей части, а разговаривали по телефону, не выходя из ванной комнаты. Они были красивы, но продолжали оставаться для меня странными.

До этого мне приходилось жить в четырех городах. В первом я родился, во втором – влюбился, в третьем – узнал великую тайну (тогда она мне казалось особенной), в четвертом я живу и поныне.

Этот город я не могу назвать пятым, потому что если я пребываю в городе менее года, то это не значит, что я в нем живу. Например, еду я в Коктебель, чтобы два раза искупаться в море и поговорить с девушкой на пляже с целями, о которых хочется умолчать, не буду же я утверждать, что жил там.

Жить – это значит познать город. Окунувшись в соленую воду и обмолвившись парой двусмысленных фраз, которые тут же забываешь, с незнакомкой не узнаешь про то, как на второй недели одолевает тоска. Пренеприятное чувство. И не знаешь, как с этим бороться, когда ты ограничен городом. Можно вырваться, но спустя две недели город удерживает тебя, ухватив тебя за руку или нарисовав тебе дом, красивый забор, несколько деревьев, конуру, пса Трезора и разные радости в виде кресла-качалки и баскетбольного кольца во дворе. Все это изображено простым карандашом на фоне цветного города, и ты тоже кажешься черно-белым в этом соцветии горожан. Немного смоченный недельной непогодой.

Сейчас накрапывает дождь – я его не вижу, но отчетливо слышу. Он как живой организм – отстукивает по карнизам свой мокрый мотив сдобренный какой-то информацией. Я привык думать, что во время дождя общаются родственные души. Мои – далеко. Примерно там, откуда льет дождь. По расстоянию (не подумайте чего другого).

Сейчас мне грустно, как и всегда. Я больше грустный, чем веселый. Такой у меня тип. Меланхолик, интроверт, люблю грызть ногти и запираться в комнате. Все

это не должно разглашаться, эта информация звучит только во мне, но поговорив со мной, люди делают такой вывод почти сразу. Достаточно спросить меня, как я спал. Или про погоду на улице. Я, конечно, скажу, но то, что в этот момент меня будет возмущать то, что солнце слишком сильно светит и от него спасу нет, разве что в метро. Про то, что всем бы так спать как мне – это п…ц. По-другому и не скажешь. Два раза падаю с кровати, встаю, иду в туалет. Пью воду, ругаюсь с кем-то (каждый раз новые персонажи). Читаю прессу за месяц, жгу газеты в раковине, плюю с балкона (форточки), рисую в тетради кресты (плюсики для оптимистов), жду, когда наступит рассвет, чтобы поставить чайник и приготовить овсяную кашу, но обязательно пропускаю, заснув на мгновение, очнувшись от солнца, залившего мне лицо.

Сейчас я жую плохо прожаренную котлету. Я ее все же съел – взял со сковороды. Остались еще три, поэтому я взял (без угрызения совести). Если бы было меньше, то скорее всего съел только нижнюю часть – этому я научился еще в Москве, когда жил в коммуналке и не всегда удавалось поужинать. Зато всегда был хотя бы один жилец, приготовивший что-нибудь жареное. Снимался нижний слой, а верхний – не трогался. Так я жил почти месяц, надо же. Знали бы они, повесили бы. Ну, обошлось бы без линчевания, но по всей строгости, точно. Тут ребята помягче. Один заливает регулярно, поэтому не помнит, что ел вчера, а что завтра. Маша угощает, потому что она… Маша. Но если вдруг Серега выйдет и посмотрит на сковороду, то не сразу поймет. Внешне-то ничего не изменилось. К тому же мой сосед вряд ли на это обратит внимание. Пьет второй день. Серьга. Так зовут соседа. Соседка, что слева от него, Маша, носит ему смоченное водой полотенце.

Снова лежу в темноте, только белая полоска света из прихожей не становится темнее. Лежу и думаю о человеке, который пил на спор около концертного зала «Парус». Он выпил бутылку «Русского меда», и сказал, что меда в этой водке нет. Сделал вывод. Правда, потом упал. Как подкошенный. Вокруг стояли друзья и матюгались. После падения они ретировались в сторону. Когда тот очнулся, то обнаружил рядом с собой пятнадцать бутылок пива и одну бутылку (ту самую, которую опорожнил). Но так как при падении ударился, то увиденное придя в сознание, принял за чистую монету – он выпил пятнадцать пива и одну сорокоградусную. Захотелось… нет, не пить, есть…

Надо бы снова сходить за котлетой, точнее за нижней ее частью. Иду, хрипит сосед. Вхожу на кухню, свет мигает, широченный красный плафон, отклоненный в сторону и подвязанный (Серега – метр девяносто, потолки – два десять,

плафон свисает). Открываю сковороду, появилась Маша, заметила, как я переворачиваю котлеты. Отворачивается, делает вид, что не заметила, зашла к Серьге, положила новый компресс. Что делать? Хоть сейчас иди на улицу, лови бродячую собаку и делай из нее котлеты или ежики. Странно была одна собака, а стало много ежиков. Нет, не пойдет, лучше я выпью кофе. Банка полупустая. Эти вечные гости. Пьют, едят. Я уже стал продукты подписывать, прятать под рукомойник. Положу в двойной целлофан и около мусорного ведра поставлю. Никто. Главное, чтобы на мусорку не снесли. Но я слежу.

Почему она так на меня посмотрела? Как будто я убил кого. Я никого не убил. У меня были только мысли про собаку, а на самом деле я бы сам на это не решился. Для меня это слишком серьезно. Как жениться в первый раз? Как в первый раз выйти на работу? Как сделать что-то от тебя не зависящее впервые? Хотя все зависит от тебя, кроме несчастного случай и снов. Хотя последнее зависит от пары факторов. Например, от того, кто с тобой спит. Жена или кошка.

Кот ходит, как комендант этой коммуналки. У него нет красной повязки, но зато есть важная походка и большие зоркие глаза. Этого зверя мои соседи зачем-то приволокли с улицы. Пожалели оставлять без крыши при местном суровом балтийском климате. И вот он ходит, а днем сидит на окне и ковыряется в горшках с алоэ. Не дом, а цирк.

Сейчас три ночи, а мне не хочется ложиться. Кровать твердая и постельное белье пахнет хозяйственным мылом. Тринадцать дней спал на полу, подкладывал голову медведя. Я сплю на голове медведя. Если бы я убил собаку, то можно было спать на голове овчарки или лайки (последних много около рынка). В детстве у нас в зале висела голова оленя, пока в ней не завелись блохи.

Блохи – это такие противные насекомые. Например, актеры – это блохи. Не важно, кино, театр или реклама. Прыг-скок. Прыгскокунчики. Хочешь поймать одну, не выходит, но когда все же получилось, она в твоих руках и ты хочешь ее сдавить, не получается. А кусает то как…Вот и сейчас, вернувшись в комнату, я боюсь ложиться. Какая-то мелкая тварь поджидает меня в пододеяльнике и хочет всадить в меня свой хоботок, чтобы напиться крови. А…не дам! Да чтоб тебя, сколько их. Я одергиваю одеяло, снимаю, простынь, встряхиваю, пытаюсь найти, при этом чешется рука и такой сильный зуд на спине, в той самой точке, до куда сложно достать рукой. Помогает спинка кровати. Но все равно они где-то здесь. Надо открыть окно, да что же оно такое. Заклеено скотчем. Пытаюсь

его сорвать. Невозможно. Устал, весь запрел. Сижу на полу, подложив под себя два пуфика, взяв в руки кошелек, в котором лежат деньги. Начинаю считать.

Меньше двух тысяч. Говорил жене, что не буду пить. Спасало кофе – на три дня хватило. Пиво – чуть боле недели, хочется…но деньги кончаются. Тушенка за четверть сотни и макароны за пятнашку. Иногда фрукты, Но это редко. Сколько впереди…две-три недели. Буду подворовывать, точнее брать. Ничего, не обеднеют.

Когда я приехал, то меня так встретили. Вручили паек – растворимое кофе, апельсиновые дольки и мешок для мусора с комплектом белья и даже подштанниками. А разговоры-то все какие – позвольте, вы наша надежда и улыбочки, к ним шикарный обед – три сардельки с соусом «табаско» и несколько анекдотов, не совсем смешных, но что важно – про меня, точнее про мою профессию. Запомнил только один – в нем я вынужденно себя убиваю, чтобы сделать свой любимый чай каркаде. Только что в нем смешного?

Серьга кашлянул. Маша ответила. Они так переговариваются. Вроде парень сегодня не в форме, но утром обязательно прозвенит будильник – какая-то песня про роботов, он встанет и выйдет из дома. Серега ходит на рыбалку. Хочет произвести на меня впечатление. Ну конечно, если он будет вставать каждое утро в пять утра, оставлять мне тарелку с завтраком и отправляться на озеро, возвращаться с уловом или нет, то я задумаюсь. Про завтрак я только мечтаю, но, наверное, если бы это был завтрак и предложение поработать за меня, тогда бы…ну что я говорю?

Я не могу позволить ему режиссировать. Ему нет, это моя профессия. Да, я простой режиссер. И вот, как только я хочу сказать «Сергей, твоя задача», а он «позвольте, а как же завтрак, и не забудьте, что я вчера, сегодня и завтра на озеро щуку ловил. То, что не поймал, это другой вопрос» и у него козыри. Он молодой и, кажется, весь обклеен этими козырями.

Что касается Маши, то она по-другому влияла на меня. Она пела. Не сказать, что очень плохо. У нее хороший голос, но когда я дома, то она всегда поет. Кажется, что она не может говорить обычно, словно всю информацию, которую она хочет передать, находится в песне. Сейчас все спят (во всяком случае, время обязывает), но и сейчас мне кажется, что я слышу ее голос.

Соседи меня любят…изматывать. Я идеальный человек для этого. Сам я, конечно, не такой идеальный. Когда меня первая девушка спросила: ты легкий человек, я сказал, что средний, потом был вопрос про идеального, я сказал, что идейный. Идей у меня всегда предостаточно, но чтобы они была первого сорта – не факт. Как только я начинаю думать о творческом процессе – о том, что нужно, что не хватает, как сделать так, чтобы все было идеально, у меня появляется страх, что не получится. Страх со мной всегда. В это момент сердце учащенно бьется. Чем глубже ночь, тем сильней заводишься. Поэтому человек ночью и спит, чтобы не лопнуть от натуги. А я как натянутая пружина. Чуть что…

Прилягу, может. Как бы сердце успокоить. Прижать, не помогает. Нужно подумать о чем-нибудь спокойном. О пустыне – так тихо…и медведи, но откуда же они там? Тихо…тихо…тихо…как странно самому себе петь колыбельную. Эх, голова моя…медвежья. Интересно, где его туловище?

Ночь вторая

Я смотрю на мокрое окно и слышу, как женщина шлепает по лужам. По-детски, ей богу. Ее ядовито-желтые сапоги смело, но безрассудно бороздят глубокие выемки, создавая водоворот. Прошел второй, мужчина в джинсовом наборе – джинсы, куртка, проматерился. Сказал что-то о верхах. О президентских. Его кроссовки ужасно чавкали. На втором этаже слышно все – проезжает автобус на Неман, вопят голодные коты, воркуют голуби, чавкают прохудившиеся кроссовки.

Жутко жарко. Батареи холодные, но комната, в которой я нахожусь, в одиннадцати квадратах сегодня напоминает склеп по затхлости воздуха. То ли мой нос забит, возможно, несколько раз переходил дорогу и удивлялся, как мое лицо не покрылось сажей, когда я прохожу два места – ремонт дороги (пары горячего асфальта) и завод с большими трубами (не знаю названия).

Я вновь попытался открыть заклеенное окно. Удивительное по открываемости окно. Оно было сделано по моим соображениям пару веков назад, когда еще не знали про возможности европейских окон. Про их удобство и вред. В результате была открыта форточка, напоминающая оконце в готическом замке. Сетка с заляпанными мухами и грязью, свежий воздух с привкусом свежескошенной

травы, возможность крикнуть и остаться незамеченным. Сегодня кричать не хочется. По крайней мере, сейчас не получится, я знаю. У мухи тоже не получается кричать, когда ее убивают. То же самое происходит с другими мелкими тварями. Они, конечно, кричат, но это может быть слышно только среди своих. Мы же их не слышим. Хотя чем труднее становится, тем как бы примыкаешь к тому низшему классу. Труднее в смысле плохо, чувствуешь себя униженным, оскорбленным, уязвленным и под грузом каких-то ненужных тебе обязательств. Это про меня.

На меня сегодня давит притяжение. Как-то особенно сильно. Со всеми метеоритами, магнитными и прочими труднопроизносимыми аномалиями. Смотришь наверх – не видишь, но зато как чувствуешь. Как будто несешь пятидесятикилограммовый мешок с мукой без видимой цели. Разве для того, чтобы куда-то идти.

Стекло чем-то заляпано. Возможно, на нем были приклеены снежинки или часто прикасались всей пятерней. Кто жил в этой комнате раньше? Ребенок или взрослый? Семейная пара или одинокая девушка? Маразматик или настоящий гений? Остается догадываться. Слой пыли и окна в запущенном виде, но это не мешает мне смотреть в окно и обозревать окрестности.

Деревья напоминают свадебные букеты. Через мгновение на этом же месте я вижу искусственные цветы. Они торчат из мокрой земли и топорщатся. Сегодня суббота. Мне встретилась мокрая заплаканная невеста. К чему бы это?

Между деревьями примерно по три метра. Если между ними повесить цепь, получится треугольник. Если его поджечь – огненный треугольник. Подпалить одну грань, будет два выхода, две – один. Но тут вот что важно – если горит одна сторона, то вторая в скором времени тоже будет пылать. Мне кажется, что если я выйду на улицу и скажу случайному прохожему про то, что через сутки из города будет вывезено все продовольствие, отключат воду, свет, то пройдет совсем немного времени, чтобы эта информация дошла до нужных и ненужных, и вот уже бабушки около памятника солдату с девочкой на руках обсуждают эту новость. Я приехал сюда, тем самым подпалил одну грань, начал работать – вспыхнула вторая, про третью я пока ничего не знаю, но это дело времени.

Прошли три зонтика. Под ними джинсы, белые кроссовки и сланцы. – Домой не пустят, – говорит один, второй смеется, а третий что-то шепчет, отчего говоривший выдает, – да идите вы, трахнутые в одно место.

Я часто слышу здесь разное. На улице холодно, но я не закрываю форточку – она мне позволяет не чувствовать себя одиноко.

Я сижу на столе в комнате с выключенным светом и смотрю в окно. Сегодня я не ужинал. Можно сказать, что мой ужин состоит из тарелки наблюдений, заправленных холодным воздухом. Иногда таким бывает и завтрак. На обед я стараюсь что-нибудь проглотить из продуктов. Магазин недалеко в этом же доме, где я живу – спустится, одев кеды, пол минуты, но я этого не сделаю, мне не хочется совершать ненужных телодвижений, тогда нарушится мой образ жизни. Дело в том, что у каждого человека есть какой-то принцип, по которому он живет. Один любит ночные прогулки. Для него пойти в два ночи на озеро и просидеть там до семи утра вполне обыденное дело. Другой заслышав про это будет с непониманием взирать на того, кто ночью не спит, как все нормальные, по его мнению, люди. Я же не выхожу после одиннадцати в магазин, не мешаю себе думать мыслями о еде, не выношу мата. Последнее терпимо, если из десяти сказанных слов – хотя бы шесть-семь приличных. Но из прошедшей сотни за эти дни я наблюдал преимущественно для меня невыносимый жаргон с примесью битых бутылок и сивушным запахом.

Автобус с белой полоской проезжает четвертый раз за час. Раньше я его не видел. Слышал, но не видел. В этом месте он идет медленнее обычного. Здесь такая ямка – рабочие перекопали.

Кто едет в такой час? Одинокие. Не сказать, что я очень одинокий. У меня множество друзей. Дело в том, что для того, чтобы мне почувствовать себя счастливым, они мне не нужны. Они мне часто звонят, и если я не хочу с ними разговаривать, то не говорю, если вдруг понимаю, что надо бы и перемолвиться с ними, а то совсем отвернуться. Вот этого не хочется. Боязно как-то.

Стоит темно-зеленая машина. Вчера она была темно-красной. Позавчера на этом месте стояла карета, запряженная тройкой. Конечно же, в моем воображении.

У меня много времени, до самого утра, и я могу не торопиться. Торопливость мне ни к чему. Говорят, что те, кто спешит, обязательно кого-нибудь да насмешит. Так повелось уж. И надо мной смеялись. Как помню свой день рождения, почти первый, точнее второй или третий, когда я стал понимать, что я – человек и у меня есть преимущества в виде помыкания.

Я был ребенком. У меня были родители. Почему были, они есть. Только сейчас они думают, что я….не хочу об этом. Может быть, когда-нибудь и вернусь к этому, но пока не могу. Ну, это ничего, – так бы сказала моя мать, застав меня в комнате с выключенным светом. Отец бы махнул рукой, ему давно все равно, что со мной происходит. Только мать делает вид, что интересуется моей жизнью. Иногда звонит и мешает мне думать так. Есть еще бабушка, которая является единственным человеком, который одинаково ко всему относится. Она не разделяет людей на плохих и хороших, успешных и неуспешных, с зубами или без зубов, она любит всех. Любимая фраза моей бабушки «все впереди». Я тоже так думал, пока не приехал сюда. Этот город вошел в меня как-то болезненно. В дороге я подхватил простуду, чихал пару дней. На меня смотрели, как на прокаженного. Никогда я такого не испытывал. Но я и это вынес. Думал, умру, ан нет – силен, оказался.

Выкарабкался и без лекарств. Одним лимоном и свежим воздухом. Правда, воздух здесь, наверное, слишком свежий.

Город хороший, но не отличный. Мне никогда не попадаются отличные места. Так повелось. Словно я не заслуживал этого. Шел вдоль всего и даже когда кушал самую вкусную пиццу, ломал зуб или у меня болел живот. Я верю в странное существо внутри меня. Оно располагается между кожей и телом. Оно не длинное, оно точно такое же, как и моя кожа, только не защищает меня, а не позволяет многое. Мне кажется, что мне не позволяет слишком многое.

Дом, в котором я живу, напоминает корабль. Во всем, что я жил, напоминало каких-то монстров. У меня не было обычных домов. Первый дом напоминал петуха, второй – яйцо, третий – лопоухого ребенка. А этот длинный, непонятно где начинается и когда заканчивается. В нем много магазинов, есть ночной клуб и отделение банка. Странно, что эти части одного организма существуют автономно. Вот и я сейчас сижу, уже через секунду встаю, иду на кухню, чтобы сделать кофе, а где-то на другой палубе этой посудины танцуют вуги и лакают виски. А где-то и любовью занимаются под включенный боевик.

Я пил кофе и мне сказали, чтобы я там не стоял. На вопрос почему, мне не ответили, хмыкнули… Это я, конечно, представил, соседи мои безобидны. Пока. Но если бы между этими автономными подразделениями был проход… Из клуба могли попасть прямо в квартиру или из сауны, которая были в носовой части прямо в бар «Три семерки». С этими мыслями я дошел до кухни.

На кухне плита Маша отказывалась работать, После пятнадцати минут борьбы со спичками и вентилем, я понял, что газ отключен. Ключа нет на месте, у меня нет ничего сподручного, чтобы повернуть. Стою в растерянности. Открываю холодильник без имени, но с приглашением отведать пиццу в один из ресторанов города по очень смешной цене. Достаю молоко и отпиваю четверть пакета. Не совсем то, что хотелось, но я насыщаюсь.

Иногда не важно, чем заполнить пустоты. Молоко не самый плохой вариант. Оно напоминает новое дело, которое мне предстоит.

Завтра встреча с труппой театра…Знакомство, рассказы о себе, первые симпатии и проколы. Проколы будут. Это так очевидно для меня. Мне всегда не везло в первый день. Мама рассказывала, что когда я пошел в первый класс, то наш допотопный утюг сжег мою рубашку и брюки. Этого я не помню, но точно знаю, что был не такой как все в этот день. Тогда нашлась какая-то замена. Но разве всегда все можно предугадать. Сейчас не мог сделать себе кофе, нашелся – выпил молоко. Что дальше? Сон? Кто-нибудь влезет в окно?

Или все будет завтра? Сразу, оптом. И костюм, пропогоденный дождем, и знакомство с кислыми актерскими улыбками, по которым легко читается «еще один идиот, которого надо будет слушать».

Не хочу сейчас об этом думать. Будет еще время. Впереди не одна ночь я-то знаю. Там я успею перемыть косточки каждому. Они же мои косточки успеют раздробить. Это в лучшем случае.

Я знаю, что я сделаю. Самый лучший способ – не спать всю ночь, слушать громко тяжелую музыку, например группу «Kiss», лечь под утро, но не спать, а позволить только отдохнуть глазам, потом ванная, кофе и легкий завтрак. Что в результате – хриплый голос, брутальный взгляд и некое равнодушие от бессилия проявлять какую-либо эмоцию.

Мне всегда его не хватало. Есть чему позавидовать тем, кто хладнокровен. Перед ним человека на кусочки кромсают, а они посмеиваются и идут в «Елки-палки». По телевизору обсуждают последние новости про танкер с нефтью в океане, а он планирует свой отдых на море и думает о том, чтобы снять домик.

Я уже начинаю дрожать. Нужно пойти в комнату. Дрожать в комнате спокойнее. И чего я дрожу. Чаще всего от незнания того, что будет. Ну не съедят же они меня. Прихожу, а они уже салфетку подвязали, в одной руке вилка, в другой нож, все с оскалом – мол, смотрите, у нас есть зубы.

Какие они? В прошлый раз мне всю ночь не давал спать работающий кран. В смысле он мне снился. Этот кран не был простым механизмом на стройке – он напоминал робота-трансформера и был ужасно строптивым. Я сидел в стеклянной будке, и нажимал на кнопки, которые должны были управлять им. Но нажимая на кнопку, например, поднять, он сопротивлялся. Я понимал, что его нужно объездить. И я, желая что-нибудь поднять, сперва нажимал «опустить», он дергал вверх, я же резко давил на зеленую («поднять»). Того актера, что не давал мне покоя, я сравнивал с краном. Как только я вижу кран, то вспоминаю его и наоборот (последнего к счастью не было).

Нужно ни о чем не думать. Но это очень сложно ни о чем. Необходимо какое-нибудь физическое действие. Отжаться. Раз-два. Еще и еще. Упал на ковер. Слабый я стал. Поднялся. Совершить пробежку?

Я вышел на улицу. Темнота, холодный после дождя воздух, кладбище заснувших голосов. Палисадник уже оккупирован кошками. Плетеный ивовой изгородью был пастбищем для своры местных хвостатых. Я пошел в неизвестном направлении. Вдоль дома.

Старичок с палочкой вздрогнул, словно пожал плечами, увидев меня. Я дошел до магазина «Сосед», зашел в него, походил вдоль стеллажей, долго стоял около банок с бобами в томатном соусе, вспоминал, какого они могут быть вкуса, так и не вспомнил. Прямо как в детстве, стоишь перед витриной, например, с велосипедом, на котором никогда не ездил, и представляешь, как ты на нем лихачишь. Но только это ощущение скупое, оно становится более основательным, когда ты уже попробовал, а потом на долгое время лишился. Это как секс, как любовь, как все, что угодно. Здесь слишком светло, надо выйти.

На улице все тот же мрак, тройка полуночных верзил-фонарей и далекий лай собаки, которая не может успокоиться от проехавшего мотороллера.

Устал. Сяду. Присел на остановке. Я оказался не один здесь. Парень ест яблоки. Быстро, одно за другим, как будто у него хотят их отнять. В этой тиши хруст кажется таким отчетливым, до звона в ушах. Скамейка кажется грязной и сырой. Мне хочется встать и найти другое место. Встаю, но парень меня останавливает. Он говорит и его невнятный прокуренный голос заставляет меня повернуться и выслушать его.

– Порвал брюки. Мама не хочет зашивать, – с этого он начинает. Теперь я его точно разглядел. Он оказался старше, чем я думал. Ему за сорок точно. Поцарапанный нос, действительно порванные брюки, заплывшие глаза. Странный.

Я ничего не сказал. Мне не хотелось говорить. А он продолжал про свою маму, даже показал ее фотографию. Черно-белая. Женщина на фоне берез. Прищурилась то ли от солнца, то ли подмигивает фотографу. Я тяжело вздохнул, вспомнил, что обещал маме сделать фотографии. Цифровое фото лишило эту потребность.

Я встал и пошел. А он продолжал говорить. Последнее, что я услышал, был всхлип. Было в этом что-то театральное. Завтра наверняка его встречу в магазине. Тогда я уже точно познакомлюсь. Не с ним. С труппой.

Ночь третья

Я не сплю сейчас. Если бы я спал, то не смог бы сказать. Это скорее походило на бред. Хотя многое из сказанного можно отнести в этот раздел. Не все ли сказанное мной – бред? Не надо. Если начинать о чем-то думать, то лучше с приятного. В темноте, где только отблеск стекла в серванте и уличные огни от проезжающих авто рисуют на потолке спецэффекты, мысли не самые радужные. Зато слух обостряется, можно закрыть глаза, все равно темно, – блики стандартны. Что я слышу? Хруст. А, знаю, это мышь, она грызет сухарь, оставшийся от моего обеда, и будет, стерва, его грызть всю ночь. Нет, он не такой большой, просто ей тоже одиноко и таким образом она оповещает меня о своем небезразличии. Странно, что крыса думает о человеке или же ей все равно о ком думать – важно другое: живое существо, оно рядом позволяет тебе не забыть о том, что ты существуешь.

На кухне гремят посудой, а я не могу выйти. Мне хочется выпустить своего пса на прогулку, но я не могу. Там ходят друзья, они же актеры, которых я уже сегодня видел. Если я выйду в своих домашних кальсонах и вытянутой футболке, то будет как-то нехорошо. Несолидно. Утром – костюм, а вечером – кальсоны с пузырями. Можно конечно переодеться, но будет тоже глупо идти в туалет при параде. Засмеют. Лучше потерпеть. Второй этаж, я бы мог и в форточку, если бы она не была оббита сеткой. И окно не открывается. Камера – студия без удобств.

Я сижу на подоконнике, как в детстве, когда нечего делать, ты смотришь в окно, наблюдая за прохожими, пролетающими птицами и пытаешься угадать номер троллейбуса, который идет мимо. И если вдруг появляется заблудившийся автобус, сроду не ходивший в твоем районе, ты злорадствуешь, что сейчас не только водитель, но и десяток пассажиров ломают голову, думая, а чего это они свернули сюда. И для них приключение, и для меня развлечение. Здесь автобусы ходят по расписанию. Пешеходы и те – по два-три человека каждые пять минут.

Слышу залп. Вдалеке вспыхнули огни взлетевшей петарды, осветив стоящие тополя.. Деревья напоминают банные веники – при сильном ветре они словно хлещут стену дома около которого стоят, немного задевая тот дом, в котором сижу я. Я бы вышел, но сегодня у меня мигрень. Полез в аптечку, а в ней кроме одноразовых шприцов и мази-звездочка ничего нет. Я выпил воды. Мало. Нужно еще. Второй стакан был лишним, но я все равно допил – мне хотелось как-то успокоиться. Вспомнилась поговорка про ведро воды, заменяющее стакан сметаны. А сколько воды нужно выпить, чтобы опьянеть? Хотя после двух стаканов водопроводной воды мне стало казаться, что как-то все стало кругом не таким каким было раньше – большим и мягким, воздушным, стены пружинят, и тебя несет по воздуху и вот ты уже в комнате на незаправленной кровати и видишь то, что происходило утром…мнимая реальность.

У меня дрожал голос. Да, наверное. И врожденная картавость мне мешала говорить уверенно. Я сказал, здравствуйте, я помню, говорил про себя, кто я….правильно – все по бумажке, на которой написал. Они смотрели на меня, и стояла такая гробовая тишина. А мне нужно было, чтобы хоть кто-то ну подал знак, что меня слушает и одобряет, едва ли не после каждой фразы. Но все молчали и сидели в какой-то затравленной позе, выжидающе, что несколько раз оценивал их расположение, как некое посягательство на мое выступление. Им не нужно было говорить, они всем своим видом, взором и дыханием говорили мне, что им не хочется слушать, что я говорю, что они вынуждены это делать, так как работают пока здесь, но это временно, их ждут, и они без пяти минут

признанные гении. Но решили проиграть свою лебединую песню и отправиться в вольное плавание. Не все, но троих я узрел в таком соотношении.

Остальные слушали, скрипели стульями, шептались, я не слышал, но моя манера додумывать мешала мне и создавала такие зычные диалоги, что я невольно морщился, кашлял, одергивая от этой отстраненной привычки. Было несколько выкриков – по поводу перекура, времени репетиций. Туда же попал вопрос моего происхождения и длинных волос. Они смешали все в кучу. Я решил ответить кратко. Они не были довольны. Считали, что я должен им все рассказать о себе. Я же считал, что это излишне. Кто-то успел поморщится. Кажется самый полный, антипод мне по длине волос. Он был лыс.

Я читал пьесу. Свою. Написал ее месяц назад. Все думали, что я буду читать Шекспира, так планировалось. А я читал свою. Долго, с тремя перерывами. Никто не обратил на это внимание. Они не слушали, значит? Я мог читать инструкцию для овощерезки, она прошла бы с таким же успехом.

Может быть, еще, поэтому я волновался. Они думали, что Шекспир написал пьесу «Горе» о семье, попавшей под влияние несуществующего бога, которого выдумал отец семейства, и, понимая, что могут попасть впросак, кивали головой, что знают ее. Все, без исключения – литчасть, актеры, молодые и старперы тоже. Смотрели на меня наивно, а я читал, с каждым словом погружаясь во мрак происходящих событий. Никто не обратил внимания на то, что в пьесе мелькают современные словечки. Все были погружены в сон. Поэтому я иногда срывал голос, доводя его до истерии. Они просыпались. Жаль, я не запомнил имена, и пока мелькают свои обозначения. Животные. Так проще. Медведь, суслик, белка, такса. Да что там, блохи. Эти блох…актеры знают, когда могут спать, а когда производить впечатление (не скажу что хорошее).

Я снова погружался в чтение, они снова засыпали. Я не замечал, кто спит. Не все же они попали в объятия Морфея. И никто не был так увлечен, как хотелось мне. Хотя бы один. Удивление, испуг, ирония, смех – все это есть в пьесе. Почему они не реагируют должным образом. Почему они безразличны к стенаниям женщины, не вздыхают тяжело об утонувшем сыне. Разве это не должно вызывать каких-то душевных мук. Им же это играть. У меня дрожал голос, я два раза кашлял, мне подносили чай, потом кофе, я не запомнил кто – тоненькая ручка с браслетом, немного дрожащая.

Потом я остановился. Пьеса закончилась. Я сказал «занавес» и поднял голову. Двое спали точно. Стол буковой Т, как на свадьбе, рядом выпитое кофе – не помню, когда я успел и обертка от лимонной конфеты (не помню, не помню).

Только пульсация в руке, которой я держу ручку. Почему дрожит стол? Шары-светильники надо мной и темно-зеленые бархатные портьеры, со стороны смотрели угрожающе.

Первым захлопал мужчина в белом. Зачесанные назад волосы, картофельный нос, хитрый взгляд. Вторым – полный. Не помню ни его волос, ни носа, он расплывался передо мной. Их было трое. Шесть рук смыкались и размыкались. Девять секунд, у меня дернулась губа. Остальные кукольно сидели.

Вопросы не задавали. Задал я – спросил про время. Не философский вопрос, а про то, когда лучше репетировать – с продленкой (продленная репетиция) или утро-вечер (с большим обедом). Они пожимали плечами и смеялись. Я что-то не так говорю. Мой внутренний голос побеждал меня.

А потом мы разошлись. Я поднялся в режиссерскую, они по своим машинам и велосипедам, припаркованным у театра. Я сел в кресло и просидел там два часа. Ко мне подходили разные люди (не помню), в том числе и директор, спрашивая, как прошло заклание, я что-то отвечал, думая о том, что сильно хочется есть.

Апельсины лежали на столике рядом с вазой, в которой стояли искусственные цветы. Там же огурцы и кусочек колбаски. Кофе, сахара не было. Все разошлись, я съел имеющийся провиант и вышел на сцену. Сегодня я четыре раза проходил здесь. Монтировщики комплектовали тряпки. Посмотрели на меня. Во второй раз я замер. Говорили обо мне, точнее о тех, кто я. Не здоровается, мы – пустое место. Я зашел в туалет, в который нужно входить нагибаясь, опустил стульчак, сел и стал думать. Как меня приняли? Хорошо или не очень. Наверное, рано об этом думать. Домой, точнее туда, где мой временный дом.

Улица нагрелась. Не было солнца, но булыжники были теплыми, казалось, что под землей есть работающий генератор. Ноги не слушались. Мне не хотелось идти по асфальту как все. Хотелось спуститься в метро… мне это помогало там. Хочется уйти под землю – я много раз уходил, порой надолго. Там я похоронил свою юность. Я так всегда считал. Спустился вниз, увидел то, как мужчина ушел из жизни, вышел совсем другим. Помнится три квартала прошел, чтобы осознать

произошедшее. А сколько раз я часами путал себя, что разобраться в происходящем. Садился на Кольцевой и бороздил. Потом пересаживался на одну из радиальных и всматривался в лица. Деловые на международной, простые – на Речном вокзале. Выходил на улицу с ответом. Иногда вконец запутавшись. Но это был процесс. Здесь вперед по улице Победы вдоль старых домов, где заблудиться так же сложно, как и вспомнить названия всех американских штатов.

Шел и смотрел все, что виделось на уровне трех метров. Два раза сталкивался с прохожими, бурчащими и грубыми. Обвалившаяся штукатурка, старые балконы с цветами, старинные вазоны и лепнина в виде ангелочков. Кружится голова.

Пришел и упал. Проснулся совсем недавно. Снилась картавая рыба. Она мне что-то говорила, но я ее так и не понял.

Третье окно сверху и слева. Горит ночник. Не спит. Его тоже что-то мучает. Парень в таких же, как у меня кальсонах. Да и рост почти мой. Открыл окно, забрался на подоконник. Нашел время. Если хочется. Мне какое дело? Лучше отвернуться, вдруг…Зачем? Что он хочет сделать? Подышать воздухом? Не самый удачный способ. Я знаю, что он задумал. А мне то что? Нужно отойти в дальний угол, подальше от окна, сесть, закрыть глаза и подумать о чем-нибудь другом. У меня была собака – она любила есть дерьмо на улице.

Сколько ни говори, она все равно найдет – застывшее и не очень, средних размеров…Дерьмо, не могу. Он же там, наверняка…нет, стоит. Надо его… Эй, ты. Да что же ты. Так он может напугаться. Надо его остановить. Сейчас, сейчас. Где мои ботинки? Мне не в чем выйти на улицу. Снова Серьга одел их. Тапочки. Пойду в них.

Он еще на окне. Не надо, миленький. Я сейчас, сейчас. Надо будет поймать его, если он все же решится. Надо взять что-то мягкое. Подушку. Да, точно. Лучше две. На всякий случай одеяло. Его нужно натянуть, тогда он не разобьется. Только если с прохожими повезет.

Я выбежал на улицу, не сразу сообразил, где находится этот дом. Наконец, вот он. Окно…третье сверху и слева…нет никого. Окно закрыто, свет выключен. Он уже лежит? Нет, трава даже не примята. Он должен был упасть на дорожку, перекрыв движение. Его не было. Мне показалось? Да что же это. Вот мое окно,

из которого я его видел. Вот то самое, их которого….бред.

Я вошел в дом. Мои ботинки стояли на месте. Что за… Серега дома? Я подошел к его комнате, прислонился ухом, услышал его храп. Спит. Сколько я отсутствовал? Пять минут или больше? Часы «Слава» показывали без пятнадцати пять. Это много или мало?

Я вошел в комнату и упал на кровать. Спать мне не удалось, я стал говорить специальную считалочку для сна – сорок актеров стояли на сцене, играли свою роль, один из них подавился солью, и вот их уже тридцать девять. Тридцать девять актеров стояли на сцене, играли свою роль, один из них сошел с ума, и вот их уже тридцать восемь…

Ночь четвертая

Путники бродят около дома. Время за полночь, а они все ходят. Пугает то, что они ходят по одному, не разговаривают и, кажется, ждут того, кто не знает того, что они ждут. А ведь они будут стоять. Это точно. Я смотрю на них. Этот белобрысый нервно курит и дергает ногой, словно пританцовывает. Второй в стороне. Они вряд ли знакомы, но по странному поведению схожи. Тот величественно смотрит на балкон, где его дом, жена, девушка или дорогой велик. Третий на другой стороне обозревает окрестности. За одну секунду его голова проделывает полный оборот вокруг своей оси. Он кого-то ищет. Все они кого-то ждут, разыскивают и нуждаются. Они в чем-то родственные души мне. Только те – на показ, все их видят, а я – в коморке, на втором этаже, за пыльной тюлью, которая пахнет керосином. Им холодно, а мне жарко. Хотя я не уверен, что температура тела как-то влияет на внутреннее состояние.

Ухает филин. Сегодня утром он тоже ухал. Это местный будильник. По нему я проснулся, сделал зарядку (дотянулся до потолка и пробежка на месте) и когда варил овсяную кашу, и она у меня подгорела, понял, что сегодня выходной. Этот запах гари словно пробудил меня. Немного передышки перед большой работой. Я это заслужил.

Устрою марафон по незнакомому городу, посижу в кафе, познакомлюсь с местными старожилами, и пойму чем дышит этот маленький городок. Свои

особенности, чудаки, зазнавшиеся знаменитости и просто богатые люди. Те, с кем предпочтительно здороваться и те, кого можно отнести в когорту среднего населения. Может быть, это мне поможет в контакте с труппой театра. А то я слишком разнервничался. Не перегибаю ли я палку. Волнуюсь, растрачиваю силы. Так нельзя. Сегодня вдохну этот чистый воздух, рядом река и озеро, и усну крепко, чтобы утром проснуться полным сил и энергии.

Серега не вписался в дверь и проматерился. Я внутренне простил его, но Маша через стенку поругала его сильным стуком. Тот в ответ, прозвучавший через пять минут, заиграл на банджо и запел. «Сердце, тебе не хочется покоя, сердце как хорошо на свете жить…»

Как спокойно. Сердце бьется в такт моим положительным мыслям. Я режиссер, у меня все хорошо. Классная жена, друзья и работа. Мне все по силам… так я думал утром в то время как ел овсяный завтрак. Я не знал, что со мной может произойти. Да, сейчас, после того как заблудился…

Сегодня заблудился. В маленьком городе. Смешно, но это так. Улица Баумана, Дружбы… все перемешалось. Черепичные крыши, голуби на них, флигелек. Дома с высокими окнами…я тут был…уже дважды. Он мне сейчас только попадался. Я жевал бутерброд (запасся из дома) и этот дом, эти окна, не постучишь. Забор из трухлявых досок и тупик. Двор-инвалид – дом перекошен, туалет, сарай – все смотрит вправо с наклоном в 20 градусов. Старик, кряхтя добирается до гаража, открывает с жутким скрежетом покосившуюся дверь, заходит, включает свет. Грохот, вспышка – лампочка перегорела. Он ругается, я тихонько прохожу и задеваю дрова, накрытые полиэтиленом. Просыпается собака, ребенок. Последний смеется, собака надрывается, я бегу в одну арку, другую, в носу гниль и кислый запах газа.

Еще один двор. Улица Мамина-Сибиряка, переулок без названия, улица Пушкина, еще один переулок и еще один без имени. Старушки, рецепты и похмелье на скамейках. Они в ряд. Пять скамеек – старых, потертых, занятых до сантиметра.

Я устал. Понятия не имел в какую сторону двигаться. Знал только одно – хотелось пить, есть, спать. Рано встал, чтобы проделать это променад. Мне кажется, чем раньше начнешь это делать, тогда заметишь то, что другим не под силу. Ты хочешь быть единственным, не хочется ни с кем делиться. Ты немного эгоист в этом. Как и любой турист, мечтающий узреть редкость, как и любой творческий человек обнаружить идею. Все прочь от моей сокровищницы. Руки

прочь!

Я выпил. У меня правило – не пью с бомжами и с актерами. Это помимо того, кто мне не приятен. А тут выпил. Вино. С местными старожилами. А что? Я же хотел. В кафе. Но ни одно приличное кафе мне не попалось, разве что на улице. Они пустовали. Какие-то скучные пары сидели за столиками и пили пиво. Попытка поговорить не обвенчалась успехом. Они странно на меня посмотрели, словно я глухонемой торговец нецке. В пиццерии было пусто, одному мне не хотелось вкушать пусть и очень аппетитную пиццу. В «Лакомке» ко мне пристал старик, пытающийся объяснить причину старения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shabanov_roman/18-nochey-ustalogo-cheloveka-dnevnik-real-nyh-sobytiy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить